

ISSN 0869-4672

ЭКОНОМИСТ

**ПОНИМАЕТ ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО,
КАК ПОДНЯТЬ ЭКОНОМИКУ РОССИИ?**

**П. КРУГМАН: ЭКСПОРТ БЕЗ ИМПОРТА –
ЭТО СЛАБОСТЬ, А НЕ СИЛА**

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В ЕВРОПЕ**

**ЛИБЕРАЛИЗМ Ф. ФУКУЯМЫ
И ПОЧЕМУ ОН ЗА ПОРАЖЕНИЕ РОССИИ**

№ 5

2022

ДЕГРАДАЦИЯ НАУКИ И СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ НЕСОВМЕСТИМЫ

О. Сухарев,

д-р экон. наук, профессор,
г.н.с. ИЭ РАН

Введение. Наука является основополагающим видом человеческой деятельности, благодаря которой создано практически все, что мы можем наблюдать в современную эпоху. Развитие производительных сил общества – техники, технологий, создание новых средств производства, производительных сил, знаний и форм обучения полностью определяются состоянием науки и ее достижениями по разным направлениям. Научная деятельность общества, в свою очередь, сильно зависит от следующих факторов:

- накопленных к настоящему моменту знаний;
- передачи знаний от старших к молодым исследователям и специалистам (работникам не только собственно науки как вида деятельности);
- образовательного уровня ныне действующих работников, склонности их к научному творчеству;

- числа исследователей, носителей знаний, а также научных школ;
- оснащения современных исследований, т.е. текущего состояния экспериментальной и лабораторной базы;

- потребности в новых знаниях в различных видах экономической деятельности;

- организационной архитектуры научных организаций и выстраивания методов проведения исследований в данной стране;

- правил ведения научной деятельности – публикации работ, защиты диссертаций, работы аспирантуры и других форм подготовки кадров;

- научных достижений, имеющихся в других странах, которые могут или не могут быть использованы в развитии данной страны или выступать ориентиром для копирования (имитации) ¹;

Перечисленные факторы являются основными, но отнюдь не достаточными, поскольку на состояние и перспективы развития науки влияет еще множество факторов. В частности, это финансирование научных исследований, каналы и схемы (институциональные) распределения ресурсов между научными направлениями, способы передачи знаний, степень их востребованности в экономике, формы взаимодействия различных научных организаций в рамках одной и смежных наук, а также между фундаментальными, вузовскими и отраслевыми научными учреждениями и многие иные. Тем самым значительное число проблем развития современной науки охвачено набором элементов, которые становятся определяющими в области научной конкуренции и научного развития в данной стране.

Почему-то сложилось такое мнение, что наука не имеет границ – дескать, не существует российской или немецкой физики; причем эту точку зрения отстаивают поклонники свободного рынка среди экономистов, представители неолиберальных экономических школ, распространяющих свою идеологию в области науки и образования. Автору приходилось слышать такую позицию на защите докторской диссертации по экономике недавно в России, т.е. она имеет распространение и некоторую силу и среди молодых исследователей – даже применительно к экономической науке. Однако стоит отметить, что действи-

тельно такие точные науки, как физика, химия, математика, биология, сами по себе границ не имеют, но вот их применение и работа научных школ, разумеется, происходит в рамках государственных границ, как и владение результатами науки оформляется институционально в конкретных границах². Для таких наук, как история, право и экономика, наоборот, стоит подчеркивать национальный характер, потому что они вбирают в себя не только элементы национальной культуры и традиций, но и национальной идеологии, формирующейся в отдельных случаях веками. Экономическая наука, открывая объективные законы, тем не менее не может не вбирать в себя национальные аспекты, выражающиеся в особенностях ее функционирования, в ее структуре, методах управления и т.д. Именно по этой причине, например, «шоковая терапия» не могла принести ничего России, кроме бедствия, поскольку противоречила не только строению экономики, но базисным идеологическим принципам самого существования и развития России³.

В связи с этим копирование и необдуманное использование чужеродных рецептов в экономике под прикрытием того, что наука в данном случае экономическая, не имеет границ, исполняет роль инструмента нанесения конкурентного поражения той стране, где подобные рецепты применяются. Это конкурентное поражение переносится в область самой науки и образования, а также выражается в характере экономического развития. Если подрывается развитие этих двух сфер, то страна лишается длительных конкурентных преимуществ. Лишение страны именно таких преимуществ составляет прямую цель для известной группы государств, которые проводят политику всемерного ослабления геополитических конкурентов, в том числе и прежде всего – России, отстаивающей свой суверенитет. Причинно-следственная связь понятна – подрыв возможности развития российской науки и понижение уровня образования населения означает для России ослабление ее суверенитета, а для них – увеличение их собственных преимуществ.

При деградации науки, образования и технологий страна фактически утрачивает свой суверенитет, так как оказывается не в состоянии контролировать свой природно-ресурсный потенциал, вследствие чего рычаги контроля перехватываются другими государствами. Исходя из этого, к реформе науки и образования нельзя относиться легкомысленно или с позиции сиюминутных соображений, ибо организация науки и образования имеет самое прямое отношение к обеспечению национальной безопасности. Соответственно, любые изменения в этих сферах необходимо рассматривать с точки зрения данного критерия, обязательно тестируя их на предмет целесообразности по приведенным направлениям, характеризующим состояние науки.

При таком подходе то состояние, в каком находится сейчас отечественная наука, вызывает озабоченность. Хотя указанные направления нельзя не учитывать, в России до сих пор наблюдается пренебрежение ими; более того, оно приняло большой размах, если не сказать – системный характер. В результате сложился недопустимый режим функционирования науки – она деградирует, между тем как борьба за суверенитет и геополитическую субъектность нашей страны явно обострилась. Деградация отечественной науки и государственный суверенитет России несовместимы. Настоящая статья посвящена обоснованию сформулированного тезиса, вынесенного в ее заглавие.

Современная наука, несомненно, прогрессирует. Ее достижения очевидны: человек вышел в космос, освоена атомная энергия, в течение ближайших 20-30 лет, по оценкам ученых, управляемые источники энергии пополнятся термоядерным синтезом. Развиваются технологии искусственного интеллекта, строятся большие ускорители элементарных частиц, благодаря которым открываются тайны космоса и строения Вселенной, осуществляются прорывы в области лечения многих заболеваний, в том числе совместно с разработками в области генетики, биотехнологии. Вместе с тем достигнутые успехи, включая вновь открытые горизонты научно-технического прогресса, сопровождаются глобальными проблемами, связанными с заметным антропогенным воздействием

на планету и нарастающими климатическими изменениями, а также непредсказуемыми эффектами, возникающими в процессе диффузии достижений науки в повседневную жизнь (генно-модифицированное продовольствие, клонирование животных и органов человека и пр.). И способ разрешения этих проблем, особенно климатических, пока неочевиден.

Что касается российской науки, то ее состояние представляется специфичным: прогресс ее точечный, а деградация – системная. Перманентные реорганизации в научной и образовательной сфере, вызванные якобы необходимостью унификации с «мировыми стандартами», на пользу не пошли.

Попытаемся рассмотреть предметно, привлекая российский фактический материал, каким образом происходит институциональная модификация и потеря суверенитета науки ради нанесения стране конкурентного поражения. Отметим, что деструктивный процесс в сфере отечественной науки проводился под благовидным предлогом «улучшения».

Рассуждая о науке и экономике нелишне иметь в виду три своеобразные точки отсчета:

«прогресс – это когда тебя убивают, но уже не отрезают уши» (Фазиль Искандер);

«общественный прогресс – это ситуация, при которой новые поколения приходят на смену предыдущих, превосходя их по интеллекту и моральным принципам» (Леонид Абалкин);

«прогресс в науке обратно пропорционален числу научных журналов» (шестьдесятый закон Паркинсона).

Ориентируясь на приведенные позиции, имеющие высокую ценность для понимания ситуации, рассмотрим сначала ограничения современной науки в части решения проблемы изменения климата, перейдя к институциональным и организационным проблемам российской науки, вводящим ее в состояние деградации.

Глобальная проблема климата и экономическая наука. Возможности науки как сферы человеческой деятельности нельзя абсолютизировать, поскольку они объективно ограничены. Да и процесс познания, который, казалось бы, трудно чем-то ограничить, может испытывать объективное торможение в силу того, что научная сфера стала высококапиталоемкой, с явным возрастанием требований по доказательности и отбору релевантной информации. К тому же разрешающая способность приборов не является бесконечной. Вместе с тем уже накопленные знания настолько обширны, что только посредством их возможного синтеза и синергетического усиления можно обеспечить такой процесс познания довольно долго. Другое дело, что он должен быть обращен к решению насущных проблем, в частности выживания человеческой цивилизации.

Климатическая проблема вышла на первый план довольно давно, еще до ее нынешней информационной «раскрутки». Как известно, угрожающий масштаб антропогенного воздействия на планету и необходимость установить пределы его роста подчеркивались в докладах Римскому клубу начиная с 1970-х гг.

Договоренности на саммите по климату в Глазго в 2021 г. отнюдь не обнадеживают; скорее, наоборот – при общей полезности они подтверждают, что парадигма низкоуглеродного развития мировой экономики отнюдь не является панацеей, пока сохраняются загрязнение мирового океана, лесные пожары, сокращение площади лесного покрова Земли, т.е. значимого уловителя парниковых газов⁴.

Не следовало бы переоценивать и концепцию «зеленой экономики» – в ее рамках обычно называются весьма стандартные, давно известные способы смягчения указанных проблем. Например – снижения выбросов CO₂ и других парниковых газов предлагается добиваться введением квот на выбросы и торговлей этими квотами (коузианский подход) либо корректирующими налогами или субсидиями (пигувианский метод)⁵. Общая цель – снизить выбросы.

Но технологическая готовность разных стран к решению этой задачи сильно отличается, что создает добавочный конкурентный шлейф «зеленой про-

блемы». К примеру, Индия неспособна в ближайшие десятилетия отказаться от угля, что и подтвердила в Глазго.

Разумеется, ни саммит, ни эксперты не в состоянии утверждать, что проблема угля может отпасть сама собой, пока не последует освоение экологически чистой термоядерной энергии. Поэтому остается актуальным оптимальное распределение экологических инвестиций, которое составляет особую задачу – на какое направление выделить больше средств и ресурсов. На практике эта задача становится главной. К сожалению, точного ее решения экономическая наука гарантировать не в состоянии, в том числе из-за множественности критериев оптимизации и сложности расчета корректных коэффициентов замещения, необходимых для численной формализации системы ограничений. Если замещать уголь сегодня, не имея термоядерной энергии, то требуется структурная перестройка энергобаланса. Возникает вопрос – на какой основе?

«Зеленая» энергетика еще крайне слаба, причем она дискретная, затратная и отнюдь не столь экологически чистая, как порой изображают, а нефть и газ – это не та замена твердого ископаемого топлива, которая нужна. В долгосрочном плане, следовательно, неоспорима приоритетность более значительных инвестиций в решение проблемы термоядерного синтеза, т.е. в фундаментальную и прикладную науку.

Снижение выбросов, низкоуглеродные технологии, посадка лесов (ей уделяется пока мало места), очистка Мирового океана и суши от загрязнений – вот что выступает важнейшими направлениями работы, которая должна сопровождаться, по мнению многих специалистов, и адаптацией к потеплению климата. С одной стороны, это верно, но требует инвестиций в инфраструктуру. С другой – ничего иного не остается, потому что инерция изменения климата и адсорбция загрязнений на планете такова, что согласованный набор действий едва ли достаточен, чтобы обеспечить заметное торможение неблагоприятных для планеты тенденций. Соответственно, надо готовиться к ним и приспосабливаться, одновременно решая задачу снижения уровня загрязнений.

При этом, однако, возникает другое затруднение. Дело в том, что нынешняя учетно-измерительная парадигма в экономической науке относит экологические затраты и инвестиции к непроизводительной нагрузке, тормозящей капитализм в извлечении прибыли от создания и потребления продуктов. В виде упражнений конструируются даже модели роста (по типу модели Харрода), где экологические инвестиции вычитаются из общей величины инвестиционных расходов, чтобы демонстрировать якобы тормозящий эффект. В действительности же создание очистных сооружений, технологий, скрубберов и фильтров является деятельностью по созданию конечных продуктов, что предполагает участие инженеров, ученых, машиностроительных заводов и т.д. Это не может тормозить рост, так как это созидательная деятельность по созданию конечных изделий, включаемая с плюсом в ВВП.

Следовательно, принимаемые ныне базовые предпосылки для моделей экономического роста являются не совсем верными. Неудивительно, что эти модели показывают, что экологические инвестиции будут тормозить рост. С другой стороны, реализация моделей «грязного» роста создала колоссальный масштаб загрязнений и привела к визуально наблюдаемым изменениям климата. Поэтому важнейшим условием борьбы с загрязнением планеты является организация верного учета полных экологических издержек и верной оценки полной эффективности инвестиций, включая их экологическую составляющую.

Речь идет не просто об экологических счетах, а учете средств борьбы с загрязнениями, в частности – основных производственных фондов, которые не должны рассматриваться как средства торможения экономического роста. Это относится к «экологическим фондам», точнее инвестициям в них; но и затраты на снижение загрязнений и технологическую модернизацию (вектор безотходности в развитии современной индустрии) также входят с плюсом в ВВП, никак не тормозя его рост, демонстрируя научно-технологические достижения и их применение. Переход же на новые технологии, безотходные, выступает

основной линией проведения технологического обновления экономики. Можно предположить, что технологии отчасти VI и будущего VII технологических укладов, по С.Ю. Глазьеву, должны строиться именно на экологически чистых технологиях, а также воспроизводстве основных видов ресурсов, обеспечивающих жизнь на планете – лесов, пресной воды, флоры и фауны океана.

Как можно видеть, наука способна адекватно оценивать накопленные проблемы и указывать вектор прогрессивного движения. Однако условия развития самой науки остаются без должных оценок. Это в первую очередь относится к отечественной науке. Перманентные изменения в российской науке и образовании требуют изучения на предмет их прогрессивности и эффективности: к чему они приводят, способствуют ли развитию науки, усиливают ли стимулы прогресса в области знаний и в принципе – какими побудительными мотивами обусловлены и кем инициируются?⁸

Чтобы некоторым образом прояснить эти вопросы, рассмотрим инструменты институциональной конкуренции, способные привести науку в упадок, а страну – к потере научного суверенитета⁹. Научный суверенитет означает независимое, самостоятельное развитие науки, оценка результатов которой осуществляется по национальным критериям, имеющим преимущества над всеми остальными. На данном этапе работа научной сферы должна быть направлена на расширение «экономики знаний», на превращение науки в непосредственную производительную силу общества, а также освоение перспективных фундаментальных научных направлений и решение национальных задач социально-экономического развития. Именно такой режим функционирования науки является суверенным – и неважно, кто за рубежом по каким рейтингам будет оценивать научную сферу страны, а также ее научных работников. Суверенный характер развития науки определяется ростом числа исследователей и их квалификации, а сила влияния – распространением и применением полученных и располагаемых знаний, воплощаемых в технологии внутри страны (возможно, с учетом экспорта технологий)¹⁰.

Однако прогрессивный характер развития науки и страны может быть подорван специальным институциональным и организационным воздействием на научную сферу, с общим мотивом – сделать ее зависимой от внешних центров информации, зарубежных экспертов и экспертиз, выставяемых баллов и рейтингов, спроектированных с весьма крупными ошибками и, по существу, ничего не отражающих¹¹. Различные формы зависимого развития способны приводить систему к деградации, когда она следует в указанном русле, да еще оплачивает присутствие в нем за свой счет.

В частности, подобная модель реализована в пореформенной России. Поэтому искажены вся логика и весь смысл научных публикаций. Вместо того чтобы начислять гонорар за публикацию, пусть и небольшой, автор, выполнив научное исследование, которое описывает, зачастую сам же и вынужден оплачивать публикацию¹²; то же самое касается понуждения ученого публиковать свои результаты за рубежом – для того чтобы ему давались какие-то премиальные выплаты сверх установленного оклада^{13,14}. Подобное положение попросту абсурдно, оно означает не что иное, как подрыв условий, мотивации и ориентиров развития отечественной науки.

Обозначим суммарно множество важных, с нашей точки зрения, деталей, вызывающих потерю научного суверенитета России.

Институциональные и организационные методы конкурентной деградации науки. Деградация любой системы, и науки в том числе, может быть двух видов. Первый вид деградации связан с объективным ухудшением характеристик функционирования системы в силу различных причин, включая конкуренцию с другими системами. Второй вид деградации – это также ухудшение характеристик системы, но при целенаправленном воздействии управления, которое, собственно, и вызывает ухудшение¹⁵. Как правило, если управление имеет характер суверенного, то должно осуществляться исключительно ради того, чтобы улучшать прогрессивные характеристики. Если же управление противоре-

чит интересам государственного суверенитета, тогда подлинная цель противоположна, а всякого рода благородные формулировки, какими оно обставляется, служат лишь прикрывающей подлинные намерения ширмой.

Парадокс ситуации для России даже не в том, что деградация науки охватывает период предшествующих трех десятилетий и происходит даже в 2021 г., объявленном Годом науки, а в том, что отдельные характеристики удастся все же улучшить.

Например, увеличивается финансирование ряда научных направлений, частично активизировано привлечение в науку новых кадров, расширяются проекты, а в сфере ядерной физики, космических исследований, вирусологии есть достижения передового уровня. Имеются успехи также в военно-технических разработках, обеспечивающих создание техники на абсолютно новых физических принципах. Это ли не успех? Причем эти результаты достигнуты при финансировании, которое в разы меньше ассигнований, направляемых на решение аналогичных задач за рубежом. Следовательно, уже такое сопоставление подчеркивает относительно высокую эффективность движения отечественной науки по отдельным направлениям.

Тем не менее отмеченные результаты составляют скорее исключение, а не общее правило, поскольку вследствие реформ созданы такие институциональные условия, в которых функционирование науки России поставлено фактически в зависимость от внешних центров контроля, подчинено чужим правилам, а значит – и чужим, зарубежным интересам. Получается, что частичные успехи камуфлируют и скрывают негативные тенденции, имеющие долгосрочные ориентиры и отбрасывающие развитие науки назад в длительном измерении.

Такой эффект в современном мире весьма показателен – он проявляется в различных сферах человеческой жизни. Например, нейтрализуется несогласие общества с чем-либо – напомним хотя бы о пенсионной реформе, если политическая сила, ее инициировавшая, получает на выборах большинство. Это гасит критический анализ и доводы против, хотя не отменяет их истинность. И на уровне управления решения остаются без изменения – они легализованы. Снимается и вопрос о заблуждении или ошибочных решениях, принимаемых большинством депутатских голосов. Между тем в масштабе общества депутатское большинство относится к социальному меньшинству. Однако за аксиому принимается, будто ошибиться оно не может.

Аксиома непогрешимости власти наделала немало бед в истории человеческого общества и даже приводила к разрушительным войнам. Но она продолжает присутствовать как неявный и явный институт, работая на принятие различных государственных решений, включая и такие, которые вступают в противоречие с общегосударственными интересами.

Институциональная форма конкуренции в науке направлена, в конце концов, на получение приоритетного доступа к результатам науки – еще до того как они зафиксированы и определена их принадлежность. Поэтому набор институциональных правил поведения научных организаций, журналов, диссертационных советов, порядка обсуждения научных результатов и их распространения может обеспечивать элиминирование развития науки вплоть до перекачки важной информации прямым конкурентам.

Покажем на примере России, какие действия могут двигать науку в этом направлении, причем дезориентируя самих представителей науки, уводя их от понимания подобного исхода и его длительных пагубных последствий.

Институциональные и организационные преобразования науки в России за последнее десятилетие включали следующие основные шаги:

- реорганизация Российской академии наук, приведшая к потере управления в силу отделения институтов РАН от центра управления – президента и правительства высшего образования и науки;
- реформа диссертационных советов;
- изменение формата работы научных журналов;

изменения в оценке научной работы и исследовательского труда в исследовательских институтах и вузах;

формализация академической работы за счет повышения отчетности и бюрократических ограничений с сохранением оценки вклада науки по должности и приставке¹⁷ при мифическом омоложении, поскольку утрачены связи старших и молодых поколений исследователей, резко понижена эффективность подготовки кадров для науки (выход годных в аспирантуре за 20 лет снизился примерно с 25 до 12-14%¹⁸).

Обратим внимание: лишь к указанным пунктам в основном и свелись основные направления изменений в системе науки России. Разумеется, предложением реформаторы выставили тезис, что наука России потеряла эффективность и надо ее повысить. Однако в чем состоит эффективность науки и каковы причины ее потери, является ли эта потеря установленным фактом, имеются ли доказательства, что новые изменения и форматы «сработают» – все это просто игнорировалось. Скрывалась даже информация о том, кто именно и в чьих интересах проводит изменения, если подавляющее большинство исполнительского звена – исследователи, профессорско-преподавательский состав – было против указанных изменений, не понимая их назначения и доводов их необходимости¹⁹. Именно эти «реформы» увели науку России от решения главной задачи – преодоления «мертвого поля», по А.М. Сергееву.

Имеется в виду сильный разрыв, «мертвое поле», между фундаментальными исследованиями и разрушенными опытными и экспериментальными заводами, отраслевыми НИИ и КБ, работавшими как мощнейшее звено апробации фундаментальных разработок в советской системе²⁰. Они уничтожены в ходе многих волн приватизации, но вместо их воссоздания, в том числе с использованием вузовской базы, была «подсунута» реформа, подталкивающая вузы отбирать фундаментальную тематику у Академии наук. В итоге произошла дезорганизация, выражающаяся в доуничтожении фундаментальной основы – академии и размывании задач развития для высшего образования, где педагогические нагрузки смешались с научно-исследовательскими, притом краткосрочными. Вузам не следовало навязывать фундаментальную компоненту; наоборот, их целесообразно ориентировать на прикладные работы – за исключением отдельных флагманов, где фундаментальные исследования традиционно были мощными с советских времен.

Таким образом, главная проблема – «мертвое поле» – остается без решения и большого продвижения в ее решении не наблюдается²¹. Тем временем деструктивные организационные и институциональные пертурбации продолжаются, увеличивая транзакционные издержки функционирования научных организаций, затрудняя научную работу, приводя к кадровым потерям. Они абсолютно не работают на обновление фондовой базы науки в требуемом объеме. Эти действия, наоборот, отпугивают новые кадры от науки и даже способствуют оттоку за рубеж. Модель «Сколково» так и не оправдала широко разрекламированных обещаний. Никакие консорциумы, никакие «институты развития» не придали толчка ни прогрессу науки, ни инновациям. Более того, сокращение числа исследователей показывала в 2000-2017 гг. только Россия – в сравнении с Китаем, США, Германией²².

«Утечка мозгов», кадровое обескровливание российской науки – неужели это тот эффект, который задумывали «реформаторы»? Наряду с уменьшением численности носителей знаний снижается качество всех ступеней образования. Россия теряет научный потенциал, разработки, открытия, технологии, инновации, по сути – теряет свой суверенитет в научно-технической сфере. Его потеря вызывает обеспокоенность отечественных ученых, тогда как у «реформаторов» совсем другая забота – вхождение отечественных университетов в иностранные рейтинги, количество публикаций в иностранных базах данных, индексы цитирования и прочая формалистика.

После «реформы науки» вполне обоснованным выглядит понятие «рейтингового психоза» как девиантной абсолютизации различного рода агрегирован-

ных балльных оценок²³. Исходя из этого выдаются деньги, в том числе бюджетные, а вузы в панике финансируют свои журналы, которые ориентируются на вхождение в иностранные базы индексирования, осуществляющие сбор научной информации и патентов. К ним привязывается заработная плата научного работника, причем измерение достижений осуществляется только по текущему году. Это выхолащивает смысл и назначение научного труда, который не имеет границы времени в виде одного календарного года.

Приведем информацию об определении научного уровня журнала по четырем направлениям в рамках Scopus:

- общее число статей, опубликованных в издании в течение года;
- общее количество ссылок на издание в других изданиях в течение года;
- отношение числа ссылок на издание к числу статей;
- процент статей, которые не были процитированы.

Нужно отметить, что базовые критерии оценки журналов утверждаются экспертным советом Scopus из 20 ученых и 10 библиотекарей. Как видим, эти критерии совсем не имеют никакого отношения к содержательной стороне научной работы. А если такая оценка осуществляется всего 20 людьми, то ее субъективность не может не быть очевидной при такой выборке экспертов, причем треть из них – обычные библиотекари, а научные эксперты могут оказаться ангажированными, имеющими свои «журнальные» предпочтения.

Подобная монополизация мнений и журналов представляется опасной, так как она добавочно создает касты внутри довольно узких научных направлений, причем подконтрольные, мнение которых можно подчищать, контролировать, а обновление таких кадров обеспечивать целенаправленно. Именно такие условия способствуют потере суверенности науки, когда она подчинена внешним центрам оценки научного труда да и сводит научную работу только к статьям, прикрываясь мировыми стандартами²⁴. Обратим внимание опять же, что в гражданской науке России, которая в силу проведенных преобразований полностью потеряла свою идентичность и независимость, с ростом числа публикаций число ссылок возросло неравномерно, в отдельные годы отмечалось даже отсутствие их роста. А по военно-техническим направлениям науки, где имеется секретность, журналы не индексируются, а многие результаты существуют в единственном экземпляре и не публикуются, созданы уникальные вооружения и технические системы – с новыми физическими принципами и эффектами. Но эти работы и их авторы, как в свое время С.П. Королев, не будут отмечены гражданской премией уровня Нобелевской.

Монополизация глобального рынка интеллекта – это сугубо капиталистический и, безусловно, коммерческий проект, поскольку Clarivate Analytics, которой принадлежит Web of Science, и компания Elsevier, которой принадлежит Scopus, являются акционерными компаниями с числом служащих в несколько десятков тысяч человек и годовой прибылью от 1,5 до 6 млрд. долл.

Вследствие переориентации на стандарты западных монополистов качество работ понижается, число их сокращается, пласт исследователей сужается, отсекается старшее поколение, а новое подпадает под контроль из-за рубежа.

Научным признается преимущественно то, что опубликовано в журналах, входящих в иностранные базы индексирования: по этим публикациям можно получить премиальные выплаты и баллы, превышающие по своей величине те, какие насчитываются за публикации внутрироссийские, особенно если журнал не входит в зарубежные базы индексирования. В результате никому не известные региональные журналы, получившие или купившие место в базе, имеют наплыв публикаций и определяют, кого принять, кого нет²⁵. Однако эффект предфамильной приставки срабатывает так, что наделенные ею лица без проблем, по звонкам публикуют свои статьи, получая, конечно, положенные денежные надбавки. Тем самым укрепляется система, когда молодой исследователь, и так поставленный в зависимость от научной бюрократии, попадает в еще большую зависимость. Руководят все те же лица, без всякой ротации и надежд на существенные изменения к лучшему – они вершители научных судеб.

Наконец, формализация высока при оформлении грантов, когда разветвляется колоссальная борьба за весьма небольшие суммы. Грантовый подход не дает организовать науку на систематических принципах работы, он локализует исследования в виде неких проектов, которые могут и не возобновляться, не говоря уже об известных трудностях в распределении этих средств.

Реорганизация Академии наук свернула многие направления и институты, разрушила единую систему управления академией, затруднив исполнение экспертной и аналитической функций. Изменения в оплате труда привели к тому, что вознаграждается общее продвижение к международному рейтингу за публикации в иностранных журналах и ссылки на исследователя. В России возникло даже «ссылочное явление», когда договариваются о ссылках друг на друга или на журнал, чтобы он вошел в базу индексирования, контролируруемую иностранными агентами. Иначе, без ссылок, журнал не может войти в базу, а наличие низкого индекса Хирша – это низкий рейтинг исследователя.

Применяя мягкую терминологию, назовем набор осуществленных институциональных и организационных изменений пагубным для российской науки, уводящим ее от подлинных целей развития, из-за чего потеряны не только отдельные фундаментальные направления: исследовательские институты, потенциал которых сократился в разы, даже если и существуют, то почти полностью оказались без прикладной опытно-экспериментальной базы. Отсюда проистекает проблема востребованности достижений науки в промышленности и отраслях народного хозяйства. Однако не могут отрасли востребовать, к примеру, закон И. Ньютона как таковой: нужны технологии, на нем построенные – вот они могут быть востребованы. Именно отраслевая прикладная наука воспроизводит подобные результаты. Если ее нет – то востребованности быть не может. Следовательно, такую науку необходимо создавать, а для России – воссоздавать. Но это невозможно, пока установлены общие правила и организационные формы, противоречащие суверенному развитию российской науки и прямо угнетающие ее самостоятельность. Искажена вся ценностная и вытекающая мотивационная матрица научной работы, а принцип сомнения как главный двигатель поисковой работы развенчан публикациями в журналах двух баз индексирования.

Потеря суверенитета российской науки и его восстановление. Потеря суверенности российской науки началась значительно раньше, нежели реформы науки, запущенные в 2013 г. Причиной тому – капиталистическая трансформация, начатая в 1990-е гг.

Проиллюстрируем это несколько рельефнее. Поскольку хроническое недофинансирование науки в 1990-2010 гг. общеизвестно, а изменение ситуации медленно началось только после 2010 г., но было замкнуто на реформу 2013 г., не будем ссылаться на него в качестве аргумента потери суверенитета науки, хотя отсутствие или блокирование финансового ресурса является характерным фактором зависящего развития²⁶.

Установленные в нормативных документах величины по финансированию науки (от 2 до 4% ВВП) не выполняются на протяжении многих лет. Однако главное в том, что введены правила и формы, делающие отечественную науку зависимой. Проблема потери суверенитета российской наукой состоит еще и в том, что при капиталистической системе наука имеет ограничения развития. Это подтверждается сопоставлением темпов научного рынка СССР в период с конца 1920-х гг. по 1960-е и Запада, которые целиком в пользу СССР. Но и в 1970-е гг. в СССР также создавались новые направления и институты академического и отраслевого значения. Появляющиеся зарубежные публикации, в которых утверждается, что научно-технический прогресс в СССР уступал западному, неверны в силу своей ангажированности и избирательности применяемых показателей²⁷.

Капитализму необходимы новые продукты и рынки, но это совсем не означает, что приоритетом должно быть развитие науки. Она должна выполнять эту задачу, и потому выделяемые ассигнования подчиняют ее роль исключительно

указанной цели. Однако господство так называемых стран-лидеров, которые задают правила, будет прочнее, если они смогут присваивать научные достижения иных стран и быстро их реализовывать, обеспечивая коммерческий успех. Наилучший вариант для такой модели, чтобы наука страны-гегемона главенствовала и задавала моду, а имеющаяся в других странах – делилась своими достижениями. Такой вариант вполне устраивает основные капиталистические державы – именно он и просматривается в отношении стран, которым уготован режим колониальной зависимости.

В рамках рынков труда ограничено предложение рабочей силы, то же относится и к труду в области науки – формально эти рынки по общим признакам ничем не отличаются. Поэтому должен осуществляться отбор специалистов, причем весьма жесткий, вследствие чего образование ставится на службу этим рынкам, т.е. тоже подчиняется капиталу, как и наука. Иной модели не предусмотрено по логике организации капиталистической экономической системы. Образование становится платным, избирательным, элитарным. Для владельца средств производства важно отобрать лучшие кадры, обучить использовать научные достижения, для чего можно решить задачу «покупки» ученых и специалистов, в том числе из других стран, либо применять формат стажировок. Когда все знания из такого учебного выжаты, он, как правило, становится не нужным и возвращается на родину.

Социалистическая система советского типа имеет принципиально иное строение, цели, мотивы и установки, организацию. Главное – широта образования и творчества, поиск талантов из широких масс народа с возможностью их применения в народном хозяйстве. Советский академик Е.С. Варга отмечал: «При капитализме отбор интеллектуально наиболее одаренных людей производится исключительно из узкого круга господствующих классов: благодаря классовой монополии буржуазии на средства просвещения для сына бедного крестьянина или простого рабочего, – обладай он даже гением Ньютона, Гегеля или Маркса, – все пути к образованию наглухо закрыты! В то же время детям буржуазного происхождения, даже если они являются совершенно бездарными и непригодными для умственного труда, предоставлена полная возможность с помощью репетиторов на дому, взяток и протекции получить диплом высшей школы. В СССР отбор интеллектуально наиболее одаренных людей производится из широчайших масс всего народа»²⁸.

Действительно, если функция индивидуального дохода определяет модель поведения индивида в капиталистической системе, то она задает и возможность получения образования. Далее именно финансовая возможность диктует обучение в вузе, аспирантуре и докторантуре. Цинизм в том, что и при избрании в Академию наук действует аргумент Е.С. Варги.

Обучение в аспирантуре не своего вуза, как правило, платное, в докторантуре – то же самое. Защита диссертации не в совете своего вуза – также платная. Эти принципы введены в России повсеместно, даже если не отражаются в нормативных документах Министерства высшего образования и науки. Это практика наблюдаемой экономической жизни в российском капитализме. Обратим внимание, как высказывание Е.С. Варги, относимое к 1934 г., характерно для современной России. И репетиторы, и взятки, и протекция заполнили буквально все направления научной и образовательной жизни – еще в 1934 г. это считалось подлинным атрибутом капитализма, когда целые классы общества были отлучены от образования и науки. Только советская система смогла осуществить массовое повышение образования и раскрытие научных талантов. В нынешней капиталистической России, наука которой подчинена вновь введенным нормативам, правилам и формам, речь в принципе не идет о талантах в широком ключе. Возникла элитарная система отбора (по типу «Сириуса»), хотя она сохраняет пока свое широкое социальное значение, не дифференцируя воспитанников по уровню дохода их семей или классовой принадлежности. Однако такой исход может быть кратковременным и детерминированным властью, которая социально ориентировала свою политику даже в рамках жесткого ка-

питализма. Но с течением времени общие законы капитализма, контролируемые «обществом знаний» (а не наоборот), меняют этот исход на противоположный или близкий к тому, о котором писал и который констатировал, поскольку наблюдал воочию, акад. Е.С. Варга.

Дифференциация населения по доступу к образованию и науке в рамках капитализма, с учетом того, что более развитый капитализм подчиняет себе менее развитые формы, создавая периферию, оказывает сильное влияние на потерю национального суверенитета науки страны с периферийным или клановым капитализмом. Если сугубо капиталистическое влияние усиливается еще и целенаправленными институциональными и организационными воздействиями, имеющими, как показано, цель снизить эффективность зависимой науки и контролировать ее развитие, то это полностью формирует контур потери научного суверенитета для страны.

В связи с этим для национальных научных и социальных сил, противостоящих этой негативной тенденции, актуальна задача восстановления суверенитета науки. Применительно к России, на наш взгляд, она должна сводиться к следующей последовательности действий.

Во-первых, элиминирования влияния капитализма можно добиться, только разработав и приняв Закон РФ «О государственном секторе», определяющий состав и структуру сектора, правовые и инструментальные, а также политические основы его развития и государственного управления. В состав сектора требуется включить сферы образования, медицины, науки, определив состав и принципы организации, считая работу в этом секторе государственной службой на благо всего общества.

Во-вторых, требуется полностью изменить научную политику в части привязки целей развития науки к рейтингам и местам в международных оценочных системах, установив содержательные цели развития науки. Кроме того, нужно отказаться от привязки заработной платы научного работника и педагога при публикации ими статей к иностранным базам индексирования журналов, как и не оценивать журналы по числу статей или ссылок на них. Этот же критерий должен быть исключен из оценки научного труда. В государственном секторе должно быть задание для организаций науки и жалование с учетом квалификации и стажа работы, текущего исполнения поставленной задачи. Закон о государственном секторе позволит возродить и тарифно-квалификационную сетку в этом секторе, а с течением времени частник и рынок труда будут также принимать ее в свое рассмотрение как ориентир. Политика заработной платы станет контролироваться и проводиться системно, как и управляющие воздействия на так называемом рынке труда. Можно будет в отраслевом и межотраслевом разрезе влиять на мотивацию и перемещение трудового ресурса в экономике (сегодня это невозможно).

В-третьих, при присвоении ученых степеней необходимо рассматривать только полученные результаты, причем с обязательной подготовкой «кирпича» диссертации, а по совокупности опубликованных работ²⁶. Здесь необходим полный пересмотр коренного подхода и всех нормативов.

В-четвертых, для обеспечения национальной безопасности требуется безотлагательно отказаться от вывешивания диссертаций в интернет-пространстве (пока действует эта форма защиты). Именно открытая информация является базовым источником для работы научно-технической разведки и других служб. Это следует исключить, никакой необходимости в этом нет.

В-пятых, в области высшего образования требуется отказаться от компетенций и вернуться к фундаментальному высшему образованию³⁰. Можно представить высшее образование в виде двух ступеней, но первая – это обязательно фундаментальное образование, и только вторая вспомогательная ступень – это компетенции и их наращивание.

В-шестых, по научным журналам необходимо внести изменения в закон «О печати», с тем чтобы ввести виды рецензируемого журнала (если они не оговорены) – научный, научно-аналитический, научно-практический, практический,

академический, бизнес-журнал и т.д. В Гражданском кодексе РФ не сказано, что рецензия должна быть только письменной. Она может быть устной, как и сделка, либо оформленной в виде решения редколлегии.

В-седьмых, России, как и Китаю, требуется создавать свои закрытые системы национального учета научных изданий и кардинально изменить оценку научного труда, ориентируясь на содержание результата и научный продукт, а не число статей либо цитат³¹. Основной итог проведенного анализа и приведенных доводов в том, что для России требуется ставить и решать задачу организации суверенной науки, причем, учитывая ее современное состояние, решать придется практически с нуля – так глубоко и далеко зашла деградация. Работа должна быть системной, охватывать одновременно подготовку новых законов «О государственном секторе», «О науке и РАН», «О печати», предполагать изменение порядка защиты диссертаций, издания журналов, выпуска публикаций, установления заработной платы научным работникам и пр. – охватывать институциональную плоскость накопившихся проблем и организационную плоскость с выправлением допущенных деформаций. Конечно, нужно проработать вопрос числа и финансирования журналов по отраслям науки.

Главные усилия следует сфокусировать на ликвидации «мертвого поля», что составляет стратегию и перспективную системную задачу для России. С этой целью нужны институциональные коррекции, пересмотр многих правил развития науки, подготовки исследователей, функционирования научных журналов. Это и будет первой линией сопротивления деградации науки России.

Заключение. Подводя итог, сформулируем наиболее общие положения проведенного анализа и представленных предложений. Следует признать неудовлетворительными результаты семилетнего реформирования российской науки. Отдельные успехи не изменили общей негативной системной картины даже в Год науки (2021 г.).

Требуется создать план формирования науки в составе государственного сектора России, как и формирование такого сектора – документально и организационно, а не общие риторические упражнения в разговорах про приватизацию или национализацию. Этот план должен задавать этапы и соответствовать финансовому плану и общему хозяйственному плану развития страны на 5 лет. Необходимо кардинальное изменение правил организации основных звеньев научной работы – журналов, диссертационных советов и порядка защиты, оценки научного труда. Это изменит издержки, стимулы, оплату научной деятельности соразмерно задачам «экономики знаний». Краткосрочная оценка ученого, по году, должна быть отменена вместе с высокими баллами за иностранные публикации или принадлежность журнала к иностранной базе индексирования. Национальные издания необходимо поддержать финансово, засчитывая только их публикации при премировании ученых, обеспечить общие требования по новому закону «О печати» и засчитывать научному работнику общий вклад в науку, стаж и квалификацию, предоставляющие право на оклад. Общий вектор развития науки – увеличивать, а не сокращать число исследователей. Необходимо прекратить финансировать достижение рейтинга, а также замыкать финансы науки, которые возросли, на негативную институциональную трансформацию, лишаящую Россию конкурентных преимуществ в угоду рейтингам, подрывающую суверенитет науки.

Требуется ликвидация «мертвого поля» за счет развертывания государственного сектора (с тарифно-квалификационной сеткой оплаты), куда должна войти РАН с контролем над институтами и отраслевыми подразделениями на базе общего плана и решения задачи распределения ресурсов.

³¹ Такая стратегия является проигрышной в конкурентном плане, поскольку заставляет идти в фарватере ведущих игроков, которые устанавливают правила.

² В частности, даже вручение Нобелевской премии по конкретным наукам предполагает указание страны, выходец из которой ею награждается.

³ Это, кстати, неоднократно отмечалось нашими выдающимися академиками – Д.С. Львовым и Л.И. Абалкиным. Глубокий критический анализ «шоковой терапии» многократно давался акад. Глазьевым С.Ю., проф. С.С. Губановым, проф. Нешитым А.С. и многими другими.

⁴ Хотя экологи также называют биоту Мирового океана основным уловителем таких газов. Однако роль лесов нельзя преуменьшать, так как они дают все-таки основной кислород на планете в результате процесса фотосинтеза. Если это не так, то и Мировой океан весьма загрязнен и его биота исчезает. Процесс сокращения биоразнообразия, включая растительность, отмечается многими экологами и соответствующими природоохранными организациями.

⁵ Углеродный налог У. Нордхауса.

⁶ Президент Российской академии наук Фортков В.Е., погибший от COVID-19 в 2020 г., незадолго до ухода в одном из интервью отметил, что в течение 20-летнего рубежа человечеству под силу будет решить эту задачу, конечно при соответствующих ресурсах. Разумеется, задача распределения ресурсов становится еще более сложной, ибо помимо снижения выбросов, что требует затрат на модернизацию технологий и изготовление фильтров, нужны затраты на очистку уже загрязненного (включая Мировой) океана, лесопосадку, причем масштабную, а также элиминирование пожаров. Кроме того, нужны средства на фундаментальные исследования по новым источникам энергии, в частности термоядерному синтезу.

⁷ В Росстате имеется статья учета следующего содержания: «Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Российской Федерации».

⁸ Это важный вопрос – фамилии лиц, инициирующих и проводящих конкретные государственные решения. Однако в представленном анализе он заявляется, но ответ на него опускается, чтобы не снижать строгости приводимых аргументов, не сводя на этом этапе проблему к каким-то личностям, поскольку она имеет фундаментальное идеологическое значение, оцениваемое с точки зрения состояния и перспектив современного капитализма. Именно он как система порождает режим институциональной межгосударственной конкуренции в области науки. Не видеть возникновения этого режима – близоруко, а с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны – халатно.

⁹ Наиболее ярко проблему научного суверенитета в России поставил д-р экон. наук, проф. С.Ф. Викулов. В его публикациях содержится также обращение к Военной академии РФ, членом которой он является, вынести аспекты потери научного суверенитета России на ее заседания, с тем чтобы выработать противодействие разрушительной политике в сфере российской науки.

¹⁰ Реализация именно этих установок научной политики должна автоматически улучшать некие рейтинги, на которые в принципе не стоит ориентировать целеполагание при определении направлений научного развития.

¹¹ Подробнее см.: Чичканов В.П., Сухарев О.С. Рейтинги в управлении экономикой: информативность и целесообразность // Научный вестник ОПК России. 2021. № 3. С. 72-82.

¹² Российские научные журналы, учрежденные не при вузах, имеют большие проблемы с финансированием – подпиской, не в состоянии выплачивать такие гонорары. Журналы, учрежденные вузами, используют специально направляемые средства вуза (часто внебюджетные), т.е. это сборы в рамках платного высшего образования с обучающихся. Проводимая политика как будто не видит проблемы, не замечает ее. Это говорит о том, что полтинная политика, рассматривающая фактическое состояние науки, в России сейчас отсутствует. Зато реализуются решения, по которым российские научные журналы принуждаются к платному вступлению в иностранные базы индексирования, к чему привязана заработная плата ученых и преподавателей – премиальные выплаты за статьи в таких журналах в российских вузах и исследовательских институтах. Тем самым финансируется только одно – формальное вхождение в некий абсурдный рейтинг и занятие некоего места. При этом качество и содержание работ, а также вопрос – кто будет все это читать при таком объеме журналов и росте публикаций ради надбавки к мизерному окладу (в РАН главный научный сотрудник, профессор имеет оклад с повышающим коэффициентом на уровне 37-41 тыс. руб. без вычета налогов) – остаются низкими, а поставленный вопрос – без ответа. Пишут для премий, но не читают.

¹³ Это явление описывает проф. С.Ф. Викулов, а также автор настоящей статьи в своих прежних работах и общественных выступлениях. С.Ф. Викулов верен линии, что это угрожает национальной безопасности, подрывает научный и военно-технологический суверенитет. Он справедливо расширяет этот тезис, отмечая, что вывешивание диссертаций в открытом доступе в интернете облегчает задачу сбора информации и работе научно-технической и других разведывательных служб. Автор также многократно выступал против этой практики описания научных и технических достижений в интернете еще до факта защиты, не говоря

уже о присвоении ученой степени. Разумеется, можно предположить, что вывешивание диссертаций, а также научных материалов и журнальных статей – это итог лоббирования лиц, наносящих вред национальной безопасности России. Эти же лица, к сожалению, были допущены до реформы диссертационных советов и инициировали «хиршевски-плагиатный и рецензионный психоз» в России.

¹⁴ В частности, авторизованный перевод как минимум оплачивается исследователем, так как российский гражданин не обязан владеть иностранным языком, да и владеющие разговорным языком все-таки часто не в состоянии сделать авторизованный перевод научной статьи. Автор много лет назад предлагал при Академии наук сделать специальную программу перевода российских исследователей на иностранные языки (для расширения российской научной школы в мире). Однако проводимая затем реформа полностью обанкротила эту организацию, и так имеющую проблемы развития.

¹⁵ При этом такое управление может быть ошибкой, но может носить злонамеренный, целенаправленный характер, обеспечиваемый определенными бенефициарами.

¹⁶ Однако перевес негативных аспектов таков, что эти улучшения не меняют системное качество сферы науки. Со временем оно может даже ухудшиться, поскольку зависимая траектория имманентно воспроизводит такой итог.

¹⁷ Выборы в академию не стали объективнее и честнее, но предфамильная приставка продолжает действовать, подчеркивая формальный статус принадлежности к Академии наук. Это особенно ярко выражено по экономическому блоку наук, где достижения субъективны, не являются яркими и даже элементарно доказанными по общему вкладу тех лиц, которые избраны, особенно по молодежной норме. Клановая модель сохранила свое влияние, и даже упрочила, за счет модели омоложения, которая обрела популярность, в том числе на выборах в РАН. В итоге многие сложившиеся исследователи оказываются не востребованными и отстранены административно от эффекта предфамильной приставки для реализации своих идей, а покорное приспособление при весьма серых результатах пользуется большим преимуществом. Такие диспропорции порождают множественные демотивации, изменяют отношение к Академии наук в обществе, подрывая ее перспективу, особенно по экономическому блоку наук. Работает схема продавливания кандидатов только сверху при общей демократической ширме якобы выборов. Однако избранные черпают все еще значимую ренту из этого избрания, возвышаясь над другими членами научного сообщества, не избранными, часто имеющими более значимые результаты. Общественный блок можно выделить из академии (опыт Китая – Академия общественных наук существует отдельно) с понижением статуса, поскольку побудить кланово-бюрократическую систему избирать по заслугам невозможно применительно к экономическому направлению. Значимых рекомендаций для экономики России, за редким исключением, обнаружить проблематично. Консультационные службы правительства формируются вне основного академического состава, редкие исключения лишь подтверждают это негативное правило.

¹⁸ Далее дается лишь краткая характеристика отдельных ущербных для российской науки позиций. Их неизмеримо больше, и они создают общий клубок зависящего ее развития, дезориентируя направления этого развития международными рейтингами.

¹⁹ Отметим, что до всех реформаций (до 2013 г.) многие ученые предупреждали о пагубности подобных изменений, включая автора этой статьи, который активно защищал Академию наук от разрушения, при том, что сама академия в принципе не прилагала усилий привлечь таких людей на свою защиту, т.е. как будто не нуждалась в ней. Это, конечно, пик бюрократической неэффективности, до которой академия дошла сама, без чьей-либо реформаторской помощи. Но проводимые пертурбации только усилили эту неэффективность, за счет расширения состава управляемость снизилась, за счет потери управляемости – обмякла связь центров управления наукой и институтами, причем не только по вертикали, но также и по горизонтали.

²⁰ Подробно эта тема изложена в статье: Чичканов В.П. Сухарев О.С. Развитие Российской академии наук: решение организационных задач // Экономические стратегии. 2021. № 3. С. 120-129.

²¹ См.: Губанов С. Российская наука и ее проблема проблем // Экономист. 2021. № 2.

²² Эти эмпирические оценки приводит автор в ряде своих исследований, включая и публикации в «Экономисте». См.: Сухарев О.С. Инновационная динамика России: анализ и перспективы // Экономист. 2020. № 7.

²³ Только так осуществляется премирование научных работников в РАН, исходя из набранных баллов. Автор пишет эту статью с большой надеждой, если журнал «Экономист» ее опубликует, поскольку автор не получит за нее ни одного балла. Она даже не будет засчитана ему как выполненная аналитическая работа. Эта статья пишется, конечно, не для баллов, а для побуждения научного сообщества изменить базовые подходы в науке России. Кроме того, эта статья написана с большим уважением и благодарностью к журналу «Экономист», который открыто и давно заявил о творящихся негативных явлениях в науке России, показывая доказательное желание не вступать в иностранные базы индексирования

журналов за деньги, и в российские тоже. Именно «Экономист» своим протестом поставил задачу создания государственного фонда учета журналов и наукометрии. Более того, многие журналы России, где автор является членом редколлегии и где ему довелось заявить позицию «Экономиста», только развели руками, указав, что «Экономист» пострадает, если не будет в общем русле, навязанном России. Это еще раз показывает подрывной характер принятых в отношении развития науки России государственных решений, направленных на зависимый характер развития нашей страны, подчеркивая ее действующую колониальную модель.

²⁴ На 2021 г., после внесения поправок в Конституцию РФ международные договоры и стандарты не могут быть неукоснительно определяющими и возвышающимися над законами и нормативами внутри России. Однако это не убергает от того, что в российские законы и нормативы не могут быть пролоббированы третьей стороной выгодные зарубежным агентам положения. В частности, к таким нормативам можно отнести: вывешивание диссертаций в открытом доступе в интернете, мягкое понуждение журналов (камуфлируется под выбор самого журнала) вступать только в иностранные базы индексирования. Перечисленные и многие иные меры представляют собой набор уже принятых, к сожалению, в России решений и вполне могут рассматриваться в рамках потери научного суверенитета нашей страной, как и положения, принятые для деятельности и в угоду иностранным агентам.

²⁵ Автор многократно сталкивался с абсолютно некомпетентными рецензиями, а также рецензиями, написанными «валом» на отбив, когда рецензент даже не понимал фабулу и назначение исследования, статьи или книги (иногда выполнял заказ, что часто видно по стилю рецензии, особенно отрицательной). Мне представляется, что форма тайного рецензирования вообще в науке, особенно экономической, где можно уничтожить любую статью. Рецензирование только тогда может приводить к отказу от публикации, если имеются прямые ошибки. Расхождение во мнениях не может служить поводом для отказа.

²⁶ Вероятно, в силу невозможности решить финансовую проблему обеспечения российской науки возникла данная реформа – как один из мотивов, наравне с иными.

²⁷ В частности, не рассматривается научный прогресс конкретной страны, а он сравнивается с другими странами, имеющими совершенно иную историю, даже масштаб участия во Второй мировой войне – потери, ущерб и т.д. Российским экономистам, воспевающим идеалы «рынка» и «буржуазной экономики», необходимо напомнить те критические советские публикации о буржуазной экономической науке и ее школах. Кстати, именно это отсутствие критики сильно порицал такой выдающийся экономист, как Дж.К. Гэлбрейт в своем завещании «Экономика невинного обмана», а также в ранних работах – «Экономические теории и цели общества». См. также: Сорокина С.Г. Сценарии будущего или иллюзии прошлого. Об институционализме как направлении буржуазной экономической мысли. – М., 1981.

²⁸ Варга Е.С. Между VI и VII конгрессами Коминтерна. Экономика и политика 1928-1934 гг. – М.: Либроком. 2014. С. 117.

²⁹ Особенно претендентам со стажем, скажем, 5-10 лет. Диссертация может быть необходима для того, кто пришел в аспирантуру со студенческой скамьи, совсем не имея опыта и публикаций. Но и в этом случае – рассматривать только личный вклад – сразу, вне всяких обзоров и пустословия, а также никому не нужного оформительства, уничтожающего смысл науки и научной работы. Кстати, по прежнему положению на защите всегда рассматривались позиции, выносимые на защиту, а не тексты вообще, как таковые. Есть и иные формы фиксации результатов, выносимых на защиту.

³⁰ Подробнее см.: Сухарев О.С., Спасенников В.В. Трансформация высшего образования: преодоление конфликта компетенций и фундаментальности // Эргодизайн. 2020. № 3 (9). С. 107-119.

³¹ Китай упомянут не случайно. В начале 2021 г. ко мне обратились китайские коллеги из Академии общественных наук с вопросом о том, что автор думает о системе журналов и цитирования в России. Разумеется, изложив свои идеи в ответном письме, которые идентичны с идеями этой статьи, не ожидал получить ответ, что эти позиции изложены руководству теми, кто обращался. И оно такого же мнения и благодарит за данные рекомендации. Для автора эта оценка является высшей. Остается надеяться, что в России найдутся лица, имеющие сходную оценку и взгляды, и помогут принять те решения, которые уже не один год предлагаются авторами журнала «Экономист». Во всяком случае, понятно одно, что оставлять все в таком виде категорически неправомерно и нельзя.